

Патрушева Наталья Генриховна

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье на основе действовавшего в середине XIX века российского законодательства показан механизм функционирования так называемых ведомственных цензур, когда различные министерства принимали участие в проверке текстов наряду с цензурным ведомством. Анализируются записки правительственных чиновников по вопросу об эффективности и необходимости ведомственных цензур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

В статье на основе действовавшего в середине XIX века российского законодательства показан механизм функционирования так называемых ведомственных цензур, когда различные министерства принимали участие в проверке текстов наряду с цензурным ведомством. Анализируются записки правительственных чиновников по вопросу об эффективности и необходимости ведомственных цензур.

Ключевые слова и фразы: цензура; цензурные учреждения; ведомственные цензуры; история государственных учреждений; архивные источники.

Патрушева Наталья Генриховна, к.и.н.

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург

patrusheva@nlr.ru

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА[©]

В российском законодательстве о печати существовали так называемые ведомственные цензуры – это был дополнительный контроль за рукописями со стороны других ведомств [24]. Такое положение было закреплено еще в Уставе о цензуре 1826 г., в котором было записано, что кроме цензуры Министерства народного просвещения рукописи, касавшиеся государственного управления, должны были проходить цензуру в том министерстве, интересы которого они затрагивали (§ 141). Частные лица, желавшие издать своды или собрания законов, должны были получить разрешение Собственной Е.И.В. Канцелярии (§ 117). Практические руководства по медицине рассматривались Медико-хирургической академией или Медицинским советом при Министерстве внутренних дел в С.-Петербурге и Московским отделением Медико-хирургической академии или на медицинском факультете Московского университета в Москве, а в других городах – на медицинских факультетах университетов (§ 124) [26]. Устав о цензуре 1828 г. оставил в силе существование ведомственных цензур [27]. В 1831 г. была введена цензура Министерства Императорского Двора, рассматривавшая сочинения, в которых упоминались император и члены императорской фамилии [9-13]. Сочинения, затрагивавшие военную тематику, с 1836 г. контролировал Военно-ученый комитет [1]. С 1836 г. на Медицинский совет была возложена цензура медицинских сочинений, а также медицинских объявлений и практических руководств для врачей и аптекарей [2]. С 1840 г. эти положения были распространены и на сочинения по ветеринарии [16]. С 1846 г. на Главное управление путей сообщения и публичных зданий был возложен просмотр планов и чертежей [17]. В 1850 г. в С.-Петербурге был создан Комитет рассмотрения учебных руководств для дополнительной цензуры учебных и детских книг, издаваемых частными лицами [18].

Порядок рассмотрения сочинений уточнялся в циркулярах. Так, например, сочинения, описывавшие военные действия Российской армии в прошлом и настоящем, предписывалось до дозволения к печати отправлять на просмотр военному министру (1 декабря 1833 г.; 18 июля 1835 г.; 24 октября 1850 г.); рецензии на учебные пособия для военных учебных заведений – начальнику Штаба военно-учебных заведений (30 ноября 1852 г.); сочинения по финансовым вопросам – в Министерство финансов (2 июня 1844 г.); статьи, имеющие отношение к Академии наук, – в Министерство народного просвещения (3 марта 1847 г.); исторические материалы – во II Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии (28 апреля 1853 г.) [22, с. 223, 237, 240, 286, 290]. Внимание обращали на то, что независимо от просмотра статей в других ведомствах цензоры цензурных комитетов должны были тоже их цензуровать и быть «как можно осмотрительнее» при пропуске статей в печать. Цензор С.-Петербургского цензурного комитета А. М. Андрияшев объяснял, что ведомственные цензуры возникли из-за обязанности цензурных учреждений «наблюдать не только за направлением печати, но и за верностью сообщаемых в ней сведений».

Следствием была медленность в рассмотрении поступающих в цензуру изданий и неопределенность самих требований цензуры [20, д. 15, л. 16]. Цензура постоянно подвергалась нападкам и критике со стороны других министерств, когда те находили в статьях периодической печати что-либо неприемлемое, касавшееся их ведомств. Так, в 1857 г. министр народного просвещения А. С. Норов даже обратился к Александру II с просьбой, чтобы в подобных случаях министры сначала обращались за разъяснениями к министру народного просвещения, а потом бы уж жаловались императору [5, с. 315-316; 6, с. 191]. Он подал императору записку, составленную товарищем министра П. А. Вяземским, – «Обозрение нашей современной литературной деятельности с точки зрения цензурной», в которой, в частности, затрагивался вопрос о ведомственных цензурах. Чтобы урегулировать отношения с другими министерствами, П. А. Вяземский считал необходимым назначить в С.-Петербурге и Москве доверенных чиновников от министерств, которые бы решали различные спорные вопросы по цензуре статей, и предоставить возможность министерствам письменно обращаться в центральный цензурный орган (Главное управление цензуры) по поводу предосудительных, с их точки зрения, сочинений [3, с. 32-47].

На основе высказанного мнения был принят указ, который обернулся очередными стеснениями для печати. 23 января 1858 г. был создан институт специальных цензур для рассмотрения статей о современных

государственных вопросах и правительственных распоряжениях: в Министерствах Императорского Двора, военного, морского, внутренних дел, финансов, государственных имуществ и юстиции, Главном управлении путей сообщений и публичных зданий, Главном штабе Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям и III Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было выделено по одному чиновнику для взаимодействия с С.-Петербургским цензурным комитетом. Цензоры обязаны были передавать на рассмотрение этих чиновников статьи и рукописи, относящиеся к ведомству этих министерств. Чиновники возвращали материалы со своей разрешающей или запрещающей резолюцией и замечаниями, которые служили главным основанием для цензурского заключения при окончательном рассмотрении сочинения. Чиновники в случае сомнений могли советоваться со своим начальством. Цензоры также для окончательного решения могли передать материал в Главное управление цензуры. Если возникали разногласия между Главным управлением цензуры и каким-либо ведомством, два министра представляли свои заключения императору [14].

Цензурное ведомство было поставлено в незавидное положение – в его компетенцию на законных основаниях стали вмешиваться все министерства. «Это повеление, очевидно, преследовало две новые цели: допустить обсуждение в печати вопросов внутренней политики и в то же время сохранить за правительством направление общественным мнением: все ведомства привлечены были к участию в цензуре и должны были давать ей указания», – писал С. М. Середонин [23, с. 197].

Очень скоро П. А. Вяземский выступил против своего предложения. В записке «О цензуре» 1858 г. [3, с. 48-51] он обратил внимание на положение Министерства народного просвещения. Он писал, что цензура «была всегда одна из тягчайших обязанностей сего министерства и налагала на него самую затруднительную и щекотливую ответственность. Она была камнем преткновения для многих министров» [Там же, с. 48]. Далее он отмечал, что в то время, как Министерство народного просвещения «не имеет ни права, ни повода вмешиваться в дела, распоряжения и решения других ведомств, каждое министерство полагает, что имеет право и повод вмешиваться в дела Министерства народного просвещения и протестовать против распоряжений его по части цензуры» [Там же, с. 49]. Кроме того, кто угодно мог критиковать действия цензуры. По мнению Вяземского, всем угодить было невозможно, и положение министерства усугублялось тем, что цензоры не могли опереться на цензурные законы и в каждом случае указать статью, которой они руководствовались. Любое упущение цензора становилось известно всем, тогда как промахи чиновников других ведомств оставались внутренним делом министерства. Вяземский отмечал, что конец «переходному» состоянию литературы и цензуры должен положить новый Устав, который определит тот предел свободе, которую правительство сочтет возможным предоставить литературе.

Отменить эту систему неоднократно предлагали как государственные чиновники, так и деятели печати. Так, например, против ведомственных цензур высказался председатель Департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудов в отзыве на проект Устава о цензуре, подготовленный Е. П. Ковалевским в 1859 г. [7, с. 342-343]. В записке «Об изменениях в устройстве Комитета по делам книгопечатания» от 23 октября 1859 г. [19, д. 5033, л. 19 – 32 об.] отмечалось, что цензурному ведомству не хватало самостоятельности. В отличие от любого другого ведомства, огражденного от постороннего вмешательства в свои дела, цензурное ведомство служило «предметом самых разнородных и даже противоположных домогательств и требований» [Там же, л. 26 об.], и часто такие требования влекли за собой принятие мер. Отмечалось, что система ведомственных цензур была стеснительна для авторов, а цензура она лишала единства и последовательности и ослабляла ответственность цензоров. Указывалось, что двухлетний опыт доказал ее несостоятельность. М. А. Корф, в 1859 г. согласившись возглавить цензурное ведомство, отделенное от Министерства народного просвещения, убедился в личной беседе с императором, что тот был согласен упразднить ведомственные цензуры [4, с. 243].

В начале 1860 г. в Главном управлении цензуры специально рассматривали вопрос об участии различных ведомств в цензуре и отношениях между министерствами. В записке А. Г. Тройницкого, А. А. Берте и А. В. Никитенко от 15 апреля 1861 г. [19, д. 5127, л. 50 об. – 85] указывалось, что система ведомственных цензур только затрудняла работу цензоров. Все члены Главного управления согласились в том, что из-за ведомственных цензур цензура «лишается единства и общего направления» [Там же, л. 17 об.]. На практике иногда случалось, что цензоры за статью, одобренную специальным чиновником из другого министерства, получали замечания. Председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин привел пример, когда цензор Я. И. Прибиль в 1860 г. получил замечание от Главного управления цензуры за пропуск статьи И. Шилля «Вопрос о земских банках» после того, как получил разрешение чиновника Министерства финансов и сам сделал несколько исключений в тексте [Там же, л. 50 об. – 51]. М. П. Щербинин и А. В. Адлерберг считали, что, прежде всего, необходимо было изменить порядок цензурования: цензорам надо было предоставить право самостоятельного решения, и лишь при необходимости они могли обращаться к министерским чиновникам [Там же, л. 51 об.]. Члены Главного управления цензуры изучили законодательство и отметили, что в начале 1828 г. было решено, что цензоры в случае сомнений при рассмотрении статей с историческим или статистическим материалом, а также содержащих предложения по народному просвещению, земледелию или промышленности, могли консультироваться в соответствующем ведомстве, а в случае несогласия выносить этот вопрос на рассмотрение в Главное управление цензуры. Правила эти должны были войти в наказ цензорам и не были обнародованы [Там же, л. 53 – 53 об.]. При расширении гласности, когда в печати стали появляться статьи по различным вопросам государственного управления, все большее количество ведомств втягивалось в процесс цензурования. Заключение этих ведомств сделались обязательными

для цензуры. Постепенно «общая цензура лишилась своей самостоятельности и вынуждена была покоряться решениям других учреждений, как бы ни были оные разнообразны и даже противоречивы в приложении к сочинениям одного рода», – отмечали члены Главного управления цензуры. Как следствие – увеличение переписки с другими ведомствами, медлительность цензуры и жалобы журналистов [Там же, л. 58]. С 1859 г. московская периодическая печать политические известия могла заимствовать только из петербургских газет, так как их пропускал чиновник Министерства иностранных дел, заседавший при С.-Петербургском цензурном комитете [Там же, л. 64]. В том же году было разрешено посылать статьи в корректурных листах одновременно всем чиновникам в те ведомства, интересы которых были затронуты автором [Там же].

Члены Главного управления цензуры отметили разный подход в различных ведомствах и разную степень строгости [Там же, л. 68]. А. Г. Тройницкий считал, что назначение специальных чиновников не облегчило делопроизводство, а ослабило общее направление цензуры. Он подчеркнул, что назначаемые «второстепенные» или «третьестепенные» чиновники не могли быть достаточно знакомы с воззрениями министерства по основным законодательным или административным вопросам, поэтому и действовали по личному усмотрению. Поскольку они были заняты прямыми обязанностями по службе и не получали вознаграждения за цензуру, то не имели «охоты или возможности» следить за литературой по своей теме. Обращаться к своему начальству за разъяснениями (как это предписывал закон) постоянно или част – на практике было невозможно. А число статей, например, по Министерству внутренних дел было большим – не менее ста в месяц. Таким образом, по мнению Тройницкого, затруднения, которые встречала общая цензура, решались неопытными и незнакомыми с делом лицами. Так, например, чиновники от Министерства внутренних дел часто имели разные мнения о статьях по крестьянскому вопросу. В отличие от них цензоры были более компетентны, так как следили за распоряжениями правительства и за литературой по каждому важному государственному предмету. Они получали разъяснения в комитете и от Главного управления цензуры [Там же, л. 8 об. – 9]. Тройницкий отмечал, что сложилось положение, при котором цензоры почти каждую статью отсылали иногда нескольким чиновникам, а получив ее обратно, не читали совсем. Таким образом, именно те материалы, на которые следовало бы обращать наибольшее внимание, часто совсем не рассматривались в общей цензуре. Как следствие этой системы – замедление работы цензуры и стеснение печати, часто газеты не выходили в срок [Там же, л. 10-11]. По его мнению, закон от 25 января 1858 г. не предоставил ожидаемых «обеспечений против уклонений... литературы от пути, сообразного с видами правительства» [Там же, л. 8].

Тройницкий предлагал взамен ведомственных цензур организовать новое учреждение, сходное с французским Бюро печати, в котором бы составлялось краткое обозрение содержания всех статей, касавшихся важнейших вопросов для руководителей министерств. Войти в это учреждение, по его мнению, могли бы члены Главного управления цензуры, наблюдавшие за периодикой, тогда бы эта структура не потребовала больших расходов [Там же, л. 12-13]. В записке отмечалось, что особые чиновники от министерств были назначены для сокращения переписки между ведомствами. Хотя делопроизводство было действительно сокращено, сущность дела не выиграла: чиновники были недостаточно компетентны, цензор и чиновник рассчитывали друг на друга, поэтому трудно было определить степень вины каждого. Особо подчеркивалось, что таким образом решались очень важные вопросы [Там же, л. 74 об. – 75].

Н. В. Медем считал существование ведомственных цензур одним из главных препятствий «к достижению в действиях цензуры желаемого единства и общего направления». Он предлагал оставить только цензоров от Военного ведомства, Министерства иностранных дел и временно от Министерства внутренних дел для обсуждения статей по крестьянскому вопросу [Там же, л. 2 об. – 5]. Он обратил особое внимание на необходимость подчинить заграничные политические известия, помещаемые в русских газетах, правилам общей цензуры. Самыми опасными и вредными статьями он считал те, темой которых были основные начала российского государственного устройства. Эти статьи *пропагандировали* конституционный строй других государств, республиканские, демократические, коммунистические или анархические идеи. Наибольшее внимания заслуживали наиболее доступные для публики издания – ежедневные и еженедельные газеты. Но именно в них отделы заграничных известий были изъяты из общей цензуры и рассматривались исключительно цензурой Министерства иностранных дел, которой предписывалось не допускать статей, не соответствовавших дружественным отношениям России и других стран или которые не совпадали с линией российской внешней политики. Медем отметил парадокс, который состоял в том, что из иностранных газет, которые были доступны лишь небольшой части образованного российского общества, цензоры иностранной цензуры устранили «всякие вредные мысли», а в российских газетах, доступных всем, те же самые мысли допускались беспрепятственно. Он предложил: или подчинить чиновника от Министерства иностранных дел С.-Петербургскому комитету, дав ему права по должности цензора и обязать руководствоваться цензурными законами и правилами, или подвергать отделы заграничных известий в русских газетах двойной цензуре [Там же, л. 33 – 37 об.].

В результате обсуждения члены Главного управления цензуры пришли к следующим выводам: «Возникший... сложный и мелочный контроль крайне затруднил и усложнил цензурное производство», при этом цель правительства «едва ли была достигнута» [Там же, л. 68]. По их мнению, при той свободе, которая была предоставлена литературе последними постановлениями, – свободе обсуждать современные государственные вопросы и распоряжения правительства – стало невозможно определить необходимость участия разных ведомств в делах цензуры. Они предложили оставить в силе цензуру Министерства Императорского Двора, духовную, военную, политическую и медицинскую. Если частные лица предпринимали попытки издания законодательных актов, то должны были получить разрешение II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Остальные вопросы предлагалось доверить общей цензуре. Чтобы устранить столкновения между ведомствами и неопределенность обязанностей, предлагалась новая схема отношений. Первым статью должен был читать цензор, затем, в случае необходимости, чиновник от министерства (его отзыв принимался как основной при заключении), при разногласиях статья рассматривалась в Главном управлении цензуры, в случае недоразумений два министра обращались к императору [Там же].

Вопрос о ведомственных цензурах снова возник при новом министре народного просвещения А. В. Головнине. Против их существования выступили как писатели, так и цензоры. В 1861 г. в комитет, обсуждавший вопросы цензурного законодательства, поступила записка, составленная М. Н. Катковым при участии Н. Г. Чернышевского и Г. З. Елисеева, в которой, в частности, содержались требования литераторов отменить ведомственные цензуры [28, с. 424-426]. В 1862 г. цензоры С.-Петербургского цензурного комитета высказались за отмену ведомственных цензур [8]. 1 марта 1862 г. Головнин представил Александру II записку «О мерах по цензурному управлению», в которой тоже предложил упразднить ведомственные цензуры [21, д. 31, л. 3-39].

Указом от 10 марта 1862 г. [15] ведомственные цензуры, введенные в 1858 г., и чиновники, их осуществлявшие в министерствах, были отменены. В силе остались цензура Императорского двора, медицинская, военная, драматическая. По всем остальным вопросам цензорам рекомендовалось обращаться в другие ведомства только в случае сомнений. Даже Министерство иностранных дел было освобождено от цензурования текстов политического содержания.

Институт ведомственных цензур, создававшийся в течение длительного времени, в конце 1850-х гг. использовался для регулирования пределов разрешенной гласности. Однако это приводило к усилению нежелательной зависимости цензурного ведомства от других министерств. В 1862 г. в законодательном порядке с ведомственными цензурами было покончено. Тем не менее на протяжении всего существования цензуры в России различные министерства и ведомства, постоянно превышая законодательно утвержденные нормы, вмешивались в дела цензуры, критиковали ее, обращались с жалобами к императору и доставляли много хлопот тому министру, в чьем ведении находилась цензура. Часто их действия, исходившие из ведомственных интересов, противоречили цензурным правилам.

Список литературы

1. **Высочайше утвержденное положение о Военно-ученом комитете.** 29 марта 1836 г. № 9041 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. Собрание II. Т. XI.
2. **Высочайше утвержденное учреждение Медицинского совета.** 17 июня 1836 г. № 9319 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. Собрание II. Т. XI.
3. **Вяземский П. А.** Полное собрание сочинений. СПб., 1882. Т. 7. 514 с.
4. **Корф М. А.** Шестинедельный эпизод моей жизни // Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 340 с.
5. **Лемке М. К.** Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. 427 с.
6. **Макушин Л. М.** Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. Кн. 1. 264 с.
7. **Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учрежденною 2-го ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати.** СПб., 1870. Ч. 1. 749 с.
8. **Мнения разных лиц о преобразовании цензуры.** СПб., 1862. 97 с.
9. **О доставлении цензурными комитетами выписок из книг, описывающих события до Императорского Дома касающихся, к министру Императорского Двора:** Сенатский указ, по Высочайшему повелению. 9 августа 1836 г. № 20298 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. Собрание II. Т. XI.
10. **О изданиях с копированными почерками рук и подписями Особ императорской фамилии:** Именной указ, объявленный по цензурному ведомству министром народного просвещения. 23 февраля 1853 г. № 27035 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. Собрание II. Т. XXXVIII.
11. **О испрашивании предварительно Высочайшего соизволения на издание сочинений, в коих описываются события, относящиеся до Его Императорского Величия и Особ Августейшей Фамилии:** Сенатский указ, по Высочайшему повелению. 10 июля 1846 г. № 20221 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. Собрание II. Т. XXI.
12. **О непечатании в публичных ведомостях известий, касающихся до Особы Государя Императора и членов Императорской фамилии, без особого на то Высочайшего разрешения:** Именной указ, объявленный министру народного просвещения министром Императорского Двора. 2 января 1831 г. № 4236 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI.
13. **О печатании известий о членах императорской фамилии:** Именной указ, объявленный Сенату министром Императорского Двора. 5 сентября 1850 г. № 24460 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XXV.
14. **О порядке цензирования сочинений и статей, относящихся к предметам разных правительственных мест и учреждений:** выписка из Высочайше утвержденной в заседании Совета министров резолюции по делу о цензуре. 23 января 1858 г. № 32712 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. Собрание II. Т. XXXIII.
15. **О преобразовании цензурного управления и упразднении Канцелярии министра народного просвещения:** Именной указ, данный Сенату, распубликованный 19 марта 1862 г. 10 марта 1862 г. № 38040 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. Собрание II. Т. XXXVII.
16. **О распространении существующего положения цензуры медицинских книг и на сочинения, издаваемые по ветеринарной науке:** Высочайше утвержденное положение Комитета министров, распубликованное 11 января 1841. 17 декабря 1840 г. № 14063 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Собрание II. Т. XV.

17. **О рассмотрении в Главном управлении путей сообщения представляемых в цензуру планов, фасадов, чертежей и рисунков по части строительной и путей сообщения:** Именной указ, объявленный министру народного просвещения главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. 4 марта 1846 г. № 19792 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. Собрание II. Т. XXI.
18. **Об учреждении Комитета для рассмотрения учебных книг и других пособий:** Сенатский указ, по Высочайшему повелению. 26 апреля 1850 г. № 24120 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XXV.
19. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 772. Оп. 1.
20. **РГИА.** Ф. 777. Оп. 21.
21. **РГИА.** Ф. 1275. Оп. 1.
22. **Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 гг.** СПб., 1862. 482 с.
23. **Середонин С. М.** Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802-1902). СПб., 1902. Т. 3. 358 с.
24. **Соловьев П. К.** Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 139-145.
25. **Стаферова Е. Л.** Министерство народного просвещения и печать при А. В. Головнине (60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 60-72.
26. **Устав о цензуре.** 10 июня 1826 № 403 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. I.
27. **Устав о цензуре.** 22 апреля 1828 № 1979 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. 3.
28. **Чернышевский Н. Г.** Полное собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 14. 900 с.

DEPARTMENTAL CENSORSHIP IN RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE XIXTH CENTURY

Patrusheva Natal'ya Genrikhovna, Ph. D. in History
Russian National Library in St. Petersburg
patrusheva@nlr.ru

The author basing on the Russian legislation that existed in the middle of the XIXth century shows the mechanism of the so-called departmental censorship functioning, when various ministries were involved in checking texts along with the censorship department, and analyzes the notes of government officials on the effectiveness and necessity of departmental censorship.

Key words and phrases: censorship; censorship institutions; departmental censorship; history of state institutions; archival sources.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

В статье анализируются документы по преобразованию цензуры и цензурных учреждений, подготовленные в комитете, возглавляемом товарищем министра народного просвещения П. А. Ширинским-Шихматовым в 1849 г.: цензурный устав, штат цензурного ведомства, Наказ цензорам и Правила для инспекторов типографий. Рассматривается новый штат цензурных учреждений, на основании которого цензура была отделена от университетов.

Ключевые слова и фразы: цензура; цензурные учреждения; проект цензурного устава; Николай I; история государственных учреждений.

Патрушева Наталья Генриховна, к.и.н.

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург
patrusheva@nlr.ru

ПРОЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНЗУРНОГО ВЕДОМСТВА 1849 ГОДА[©]

Европейские революции 1848 г. оказали большое влияние на внутреннюю политику Николая I, в том числе и на политику в области цензуры. Были созданы вневедомственные секретные комитеты для проверки работы цензурных органов, которые выявили серьезные недостатки, с точки зрения правительства, особенно в контроле за периодической печатью. В ряде записок высокопоставленных чиновников, в том числе и министра народного просвещения С. С. Уварова, в чьем ведении находилась цензура, было обращено внимание на два главных вопроса: недостаточные штаты цензурного ведомства и низкую оплату работы цензоров [2-6; 13; 14].

По приказу императора в апреле 1848 г. в Министерстве народного просвещения приступили к подготовке нового цензурного устава. Был создан «Комитет для предварительного соображения мер, Высочайшей волей предположенных, к устройству цензуры и пересмотра Цензурного устава и дополнительных к нему толкований» под председательством товарища министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова [7, с. 279; 11, д. 2102, л. 1-43], в котором в ноябре 1848 г. был подготовлен пакет документов: проект Устава и штатов цензурного ведомства, Наказ цензорам и Правила для инспекторов книжной торговли [7, с. 279-319].